

«Некоторые любят погорячее», — утверждал американец Б. Уайлдер, снявший в 1959 году под этим названием замечательную музыкальную комедию. Одну из главных ролей в ней сыграла очаровательная Мэрилин Монро, и песенка ее героини «I wanna be loved by you...» стала с тех пор для многих визитной карточкой актрисы. Наверняка, кадры, на которых запечатлена томная голливудская звезда, поющая на малопонятном языке о любви, сразу же запомнились и нашему зрителю образца 60-70-х годов, когда комедия эта вышла на советский экран.

Закон женских чар

Правда, название ее в переводном варианте изменилось до неузнаваемости, и потому слова «В джазе только девушки» сердцу любого русского сегодня роднее и ближе, чем те, что были поставлены в заглавие самим Уайлдером. Но это, как говорится, дело десятое. Популярность в общем-то довольно наивной истории любви с переживаниями, погонями и даже выстрелами гангстеров, оказалась настолько велика, что позже американцы создали на ее сюжет мюзикл — жанр, считавшийся советской идеологией типично буржуазным и пустым, и потому мало освоенный, но успешно осваиваемый сегодня российским театром эпохи социальных взрывов и экономических потрясений. И что удивительно, наш зритель, еще недавно толпами ходивший на Чехова и Островского, Эрдмана и Коляду, сегодня с не меньшим энтузиазмом идет в театр за развлечением.

Все это чутко сумел уловить коллектив драматического театра им. А. С. Пушкина, в течение двух последних сезонов поставивший на своей сцене несколько музыкальных спектаклей и два мюзикла. Премьера последнего состоялась в начале декабря, и был это мюзикл Джула Стайна и Питера Стоуна «В джазе только девушки».

Причиной всех складывающихся в нем по ходу действия комичных ситуаций становится необходимость превращения двух безработных музыкантов Джо и Джерри в «девушек из джаза». Приятелям, ставшим случайными свидетелями бандинской разборки в гараже, надо хотя бы на время исчезнуть из Чикаго. Но сделать это можно, лишь переодевшись в женское платье и поступив в оркестр, руководит которым феминистка Сю, держащая коллектив в ежовых рукавицах. Сами понимаете, выжить в столь жестких условиях можно лишь в том случае, если успешно сыграешь ту социальную роль, которая навязана ситуацией.

И вот здесь, пожалуй, зачастую кроется главный «подвох» любой пьесы, где по ходу действия сильной половине приходится влезать в женское платье. Мужчину в подобных случаях выдают на сценических подмостках даже не разворот плеч и «нетипичный» рост — анатомия, в конце концов, наука относительная. Переодетого мужчину с головой выдаст плохое знание простейшего закона женских чар, сформулированного однажды все теми же американцами: «Пленительная женщина пленяет». Вот на этом-то пустяке «ломается» большинство женских ролей, исполненных мужчинами. Зрителю, как правило, приходится мириться с условностью игры: актер как бы дает установку — «я женщина», а зритель в зале покорно соглашается — «как скажешь».

Иное дело мюзикл, поставленный Магнитогорским драматическим театром. Поступил очень разумно, отказавшись от задачи «догнать и перегнать Америку». Кроме того, соперничество с кинематографом — вещь в принципе малоперспективная. И потому декорации Алексея Вотякова без лиш-

них хлопот помогают превращать сценическое пространство то в дымный Чикаго, то в солнечную Флориду, то в гостиницу, то в купе поезда... Словом, в любую часть света и суши. Костюмы Гульнур Хибатуллиной создают на сцене праздничное разноцветье. Музыка и танцы в постановке Геннадия Бахтерева дополняют весь этот карнавал жизни, отодвигая на второй план драматические страсти. И конечно же, основное внимание зрителя сосредоточивают на себе главные действующие лица — бедолаги Джо и Джерри, влипшие в неприятную историю со счастливым концом.

Комический дуэт Джо-Джейн (арт. Н. Савельев) и Джерри-Дафны (арт. С. Худобенко) вообще великолепен. Это как раз тот редкий случай, когда актеры в женском платье не заставляют зрителя принимать театр как большую условность. Хотя, возможно, кое-какую жесткую реплику и некоторые реплики персонажей можно было бы смягчить и завуалировать. По законам жанра мюзикл, конечно, обязан наделять своих героев современным мироощущением. Однако российскому театру во все времена подходила, думаю, больше роль воспитателя чувств, нежели глашатай документальной правды...

Не менее замечательны и непрощенный обожатель Дафны — миллионер Озгуд Филдинг в исполнении Игоря Кравченко. Если в американском варианте он был выведен автором как сказочно богатый коротышка с замашками извращения, то в магнитогорской версии это скорее влюбленный до самозабвения чудаков, готовый ради любви на все.

Впрочем, любовью пронизан весь спектакль. И это уже не просто требование жанра. Это требование времени. Мы слишком устали от беспроблемности нашей жизни, чтобы внимать чужим страданиям и биться вместе с героями над вопросом «Быть или не быть?». Пришла пора идеализированной правды и зрелищности. Неслучайно премьерные спектакли «В джазе только девушки» были приняты магнитогорцами с восторгом. Сходите в театр и вы. В январе у вас будет такая возможность. И посмеявшись вместе с авторами и действующими лицами над превращениями нашего бытия, возможно, кто-то из нас, женщин, поймет, как непросто быть на этом свете мужчиной. Кто-то из наших спутников вдруг задумается над вопросом о том, за что же все-таки прекрасная половина влюбляется в сильную. Не за полные карманы денег и респектабельный вид — это слишком ненадежно и преходяще. И не за красивые фразы и вздохи под луну. А за простую готовность стать для нас по нашему желанию миллионером или нищим, надеть на нос очки или вовсе расстаться с ними, найти выход из любого тупика. Да просто взять все проблемы на себя и произнести знаменитую финальную реплику Озгуда Филдинга: «Ну и что? У каждого свои недостатки...»

На снимке: в джазе, — только девушки (Джерри и Джо).

Фото И. ПЯТИНИНА.

Что нужно для рождения нового? Хорошо забытое старое. И это не «заезженная» претензия на оригинальность мысли, а простая истина. «Домашние» театры были когда-то чрезвычайно популярны в среде российской интеллигенции. Еще бы! Они не претендовали ни на свежесть стилистики, ни на высокий актерский и режиссерский профессионализм, пленяя зрителя наивностью игры, чистотой чувств и интимностью обстановки — ну сколько кресел можно поставить даже в самом большом зале какого-нибудь барского особняка: десятка три — не больше...

Концертный зал магнитогорского Дома музыки, даже если вынести из него половину «посадочных мест» (а делают это для того, чтобы освободить место для рояля), окажется вместительней любой гостиной. Но все равно желающим попасть сюда на оперный спектакль «Евгений Онегин», премьера которого состоялась в декабре, следует, как порядочным театралом, являться на представление заранее — чтобы потом не тесниться в дверном проеме и не жаться на приставных стульях. Жаждающих посмотреть «домашний» вариант одного из самых репертуарных спектаклей российской оперной сцены, созданный хористами камерного хора Дома музыки, от спектакля к спектаклю не убывает.

Сама идея осуществить постановку «Евгения Онегина» на сценических подмостках небольшого концертного зала да еще и не с профессиональными артистами, а с любителями хорового пения, могла прийти в голову, наверное, только человеку, до самозабвения влюбленному в искусство. В сущности, так оно и случилось на самом деле. Впрочем, имя автора этого «дерзкого» и весьма рискованного проекта, наверняка скажет само за себя: Светлана Васильевна Синдина — создатель и художественный руководитель камерного хора, а также известный в городе музыкант и просто очень смелый человек!

Все началось с работы над очередной программой, посвященной пушкинскому наследию в музыке русских композиторов. Тогда впервые стало ясно, что есть в коллективе голоса, которые нужно, однако, еще «воспитывать». Так что «Евгений Онегин» рождался не в одиночку и не из пустой прихоти. Вокала ради вокала Светлана Васильевна, по ее собственному признанию, не любит. Красивый голос должен пробуждать в слушателе то чистое и высокое, что прячется в наших душах глубже под слоем жизненного цинизма. Недаром ведь древние греки придумали когда-то чудесную легенду о сладкоголосом певце Орфее, сумевшем растрогать даже сердце бога подземного царства...

Впрочем, в истории этой премьеры дело было не только в вокальных данных солистов камерного хора. Взглянув в конце 70-х годов прошлого столетия «положить на музыку все, что в «Онегине» просится на музыку», Чайковский страшился постановки своей оперы на казенной сцене.

«Я никогда не отдам этой оперы в Дирекцию театров, прежде чем она не пойдет в консерватории», — заявлял он в одном из своих писем. — Я ее писал для консерватории потому, что мне нужна здесь не большая сцена с ее рутинной, условностью, с ее без-

СЕРДЦА ПРЕПЯТЫЕ СНЫ...

дарными режиссерами, бессмысленной, хотя и роскошной постановкой, с ее махальными машинами вместо капельмейстера и т. д. и т. д... Я не отдам Онегина ни за какие блага ни петербургской, ни московской дирекции, и если ей [опере] не суждено идти в консерватории, то она не пойдет нигде...

И первая постановка «лирических сцен в 3-х действиях» действительно была осуществлена в марте 1879 года силами учащихся Московской консерватории на сцене Малого театра. Повторить этот опыт, по существу, и взялся камерный хор на сцене Дома музыки, спустя почти 120 лет со дня первого представления. Поначалу, правда, кто-то пытался сопротивляться, мол, не дело это для хора — в опере петь. Но увлечен своим энтузиазмом Светлана Васильевна способна любого...

И началось рождение «домашнего» театра. Разумеется, я далека от мысли ставить его на одну доску с любым из профессиональных коллективов. Не те масштабы да и совершенно иные задачи. «Театр Синдиной» (а именно она осуществляла режиссуру спектакля) не собирается претендовать на лавры Большого или Мариинки.

— Убить голосами мы не можем, — признается Светлана Васильевна, — у нас выдающихся голосов просто нет. Декорациями, сценическим пространством тоже — у нас в этом зале слишком мало места. Взять слушателя мы можем только своей молодостью и непосредственностью игры...

И спорить с этим не стоит. Герои пушкинского романа в стихах «проживают» от начала и до конца произведения не больше 4-5 лет. К концу 24-летнего Онегина достигает неполных 30-ти. Короткая жизнь Ленского обрывается в 18. Ну а великосветской красавице Татьяне, встреченной главным героем на балу в Петербурге, успевает исполниться всего 21 год. Даже генералу Н. мужу Татьяны Лариной, превращенному авторами либретто оперы в солидного генерала Гремина, в романе, по утверждениям пушкинистов, нет еще и 40. А теперь скажите, в каком из оперных театров можно сегодня без труда подобрать исполнительский состав, хотя бы приблизительно соответствующий истинному возрасту героев «Онегина», как хотел того сам Чайковский?

Зато для театра «домашнего» подобных проблем практически не существует. В хоре Синдиной поют те, кому от 18 до 55, так что средний возраст коллектива колеблется где-то в промежутке между 25 и 40 годами. И когда на сцену выходит Ленский (Алексей Бурцев), зал изумляется: действительно, юный поэт! Татьяна (Юлия Тихонова) и Онегин (Олег Кирикин), объясняющиеся в саду, вполне убедительны в проявлении своих чувств — то, на что способен молодой, редко удается достоверно сыграть актеру с солидным сценическим опытом.

И еще одна особенность есть у этой «нетрадиционной» постановки — в ней предпринята попытка перенести

акцент с драматургии «по-Чайковскому», во многом «облагородившей» коллизии романа, на пушкинское видение картины дворянского быта I половины прошлого столетия. Провинциальный бал в доме Лариных на Татьянин день должен, по замыслу режиссера, быть именно «мелкопоместным» с разноречивой публикой, с шепчущимися друг с другом кумушками и их мужьями, азартно играющими в карты. Ведь даже фамилия жеманного месье Трике, поющего в опере имениннице свои куплеты, образована автором романа от фамильярного французского словечка, означающего «битый палкой» (так поступали в России с мелкими мошенниками и шулерами). Ну а общество, собравшееся в III действии на балу в Петербурге, и вести себя должно совершенно иначе...

Так что ради максимальной достоверности и для постановки танцевальных номеров, и за разработкой эскизов крестьянских костюмов, и для создания декораций Светлана Васильевна обращалась к специалистам. Насколько удачно замысел воплотился в жизнь — судить, конечно же, зрителю. Но первые спектакли прошли на аншлаге.

Особо стоит сказать и о музыкальном сопровождении. На долю концертмейстера хора Татьяны Бутовской выпала нагрузка не из легких. Дело даже не в том, что вся опера (с небольшими купюрами) в течение 2-х часов идет только под рояль. Во время второго представления, в финале сцены дуэли, неожиданно погас весь свет — что-то случилось с приборами. Но публика подумала, что упавшая вдруг на зал тьма — своего рода художественный ход (как раз в этот момент за сценой звучит выстрел, обрывающий жизнь Ленского). И произошло это благодаря самообладанию концертмейстера: музыка не прервалась ни на мгновение — Татьяна Бутовская доиграла финал «на ощупь»...

Так что под занавес юбилейного для коллектива года стоит поздравить и камерный хор (а в 1998-м ему исполнилось ровно 5 лет), и его основателя и бессменного руководителя Светлану Васильевну Синдину (тоже отметившую летом юбилейную дату) с несомненно интересным начинанием. А в планах камерного хора — еще немало любопытных замыслов. Концертов его с нетерпением ожидают все, кто хотя бы раз побывал на выступлениях этого замечательного коллектива, умеющего затронуть в душе слушателя какие-то особые струны, не претендуя при этом ни на громкую славу, ни на почетные звания, ни на широкую рекламу. Если делаешь свое дело с душой и светлыми помыслами, оно обязательно найдет дорогу к сердцам людей.

Как находили ее когда-то маленькие «домашние» театры, в спектаклях которых участвовали поэты Лермонтов и Блок, художники Репин и Серов да очень многие из тех, кто позже составил гордость российской культуры. И кто знает, не являемся ли мы уже сегодня свидетелями рождения на скромной по размерам сцене Дома музыки будущей славы России...